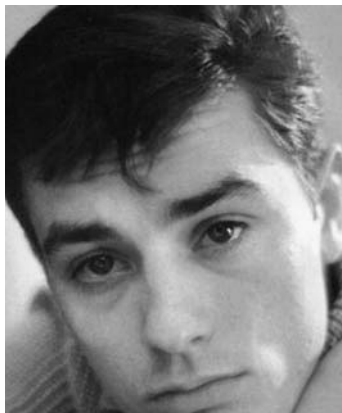

АНТОН ГАГАРИН

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

РАССКАЗ

Сергей приехал на полчаса раньше назначенного времени. Обошел вокруг памятника Пушкину, с волнением взглядываясь в немногочисленных прохожих, хотя понимал, что на первое свидание Таня, скорее всего, опоздает. Так положено девочкам. Алые розы, завернутые в целлофан и обвязанные такой же алой ленточкой, Сергей держал неуклобо, неуверенно. Ему хотелось их спрятать за спину, чтобы никто не видел. Казалось, что прохожие смотрят на него с насмешкой: мол, придурок приперся на свидание, а девчонка не пришла. Кому ты нужен?

Сергей прошел в сквер к фонтану и сел на скамейку. Здесь, возле фонтана, в такую жару обычно бывало многолюдно, но сегодня вся Москва была окутана дымом от горящих торфяников, и почти все скамейки пустовали. Он положил цветы рядом с собой, вытер платком лоб и стал смотреть в сторону выхода из подземного перехода, откуда должна была появиться Таня. Он чувствовал, как сердце быстро и тревожно бьется в его груди. “Здорово было бы, если бы она не пришла!” — мелькнула мысль. Тогда бы он выбросил розы в урну и ушел. Вспомнилось, как долго он выбирал эти розы, крутил в руке, разглядывал, чтоб ни один лепесток не был тронут тленьем. Выбирая, представлял, как протянет Тане свой первый букет. Он снова оценивающе взглянул на цветы и подумал: “Как хороши розы! Жалко будет выбрасывать в урну. Может, лучше привезти их своей сестренке и подарить?”

ГАГАРИН Антон Сергеевич родился в 1989 году в поселке Мучкап Тамбовской области. Студент журфака Тамбовского университета. Печатался в областных газетах и журнале “Наша молодежь”. Автор книг “Встретимся в полночь” и “Вторая встреча в полночь”. Живет в Тамбове. В литературном журнале печатается впервые.

В социальной сети “В контакте” девушка, которую он ждал, представлялась как Танька Ковылёва. И волосы ее пахли ковылем. Однажды в автобусе, когда Сергея толпа притиснула к Тани сзади, он почти коснулся носом ее волос и вдохнул их чудесный сладчайший запах. Почувствовал нежное щекотание на своем лице и с замершим сердцем отстранился, опасаясь, что она обернется и взглянет на него. Он надавил на поручень своими сильными руками, оттеснил толпу от Тани, и тотчас же в образовавшийся просвет протиснулась ее подруга, и Сергей повернулся спиной к девушкам, словно готовясь к выходу. В тот день он счастливый ворвался к себе домой, увидел сестренку Катюшку за столом, за компьютером, подскочил к ней и поцеловал в затылок. Волосы у нее пахли точно так, как у Тани. Он подумал, что просто запах волос девушки остался с ним навсегда, и стал, смеясь, целовать сестренку в голову, в ее такие же нежные и мягкие волосы.

Катюшка тоже засмеялась, закрутила головой, приговаривая:

— Ой, щекотно, щекотно!

Ей было двенадцать лет. Она почему-то больше дружила с ним, старшим братом, которому недавно исполнилось двадцать, чем с младшим — шестнадцатилетним Вовкой.

— Ты чо, влюбился? — повернулась к Сергею Катюшка, глядя на него горящими черными глазами.

— Какая ты догадливая! — воскликнул радостно Сергей, и ему снова захотелось поцеловать сестренку в ее вспыхнувшие от радости щеки.

— Она красивая?

— Очень-очень! И волосы у нее пахнут ковылем.

— А как пахнет ковыль?

— Так же, как ты.

— А почему ковылем?

— Потому что она с далекого севера, оттуда, где растет ковыль и гуляют олени. Они с удовольствием вдыхают запах ковыля, а потом едят его. А зимой олени копытами раскапывают снег, вдыхают сладчайший запах и думают, как чудно пахнет ковыль, прямо как волосы Тани Ковылёвой.

— Значит, ее зовут Таня? — засмеялась сестренка.

— Да, да. Это самое чудесное имя в мире.

— А зачем ты врешь? — серьезно спросила Катюшка.

— Откуда ты взяла?

— На севере растет не ковыль, а ягель. Это его олени зимой раскапывают и едят. А ковыль растет в южных степях и совсем не пахнет, — назидательно сказала сестренка.

— Какая ты у меня умная! — Сергей не удержался и расцеловал Катюшку в обе щеки, представляя, что целует он не сестру, а Таню.

— Она с тобой учится? — продолжала расспрашивать Катюшка.

— Нет, она из другого университета.

— Она знает, что ты ее любишь?

— Нет.

— Почему? — удивилась Катюшка.

— Откуда ей знать?

— Сам скажи.

— Как же я ей скажу? Подойду и ляпну: “Я тебя люблю!”?

— Ну да.

— А если она ответит: “А я тебя нет”?

— Нет, она так не ответит... Это же ты! Разве можно тебе так сказать? Если мне мальчик скажет, что он меня любит, я ему сразу отвечу, что я его тоже люблю.

— А если он тебе не нравится?

— Ну, тогда... тогда... — растерялась Катюшка.

— Ну вот, видишь?

— А ты ей напиши “В контакте”, задружись, а потом скажешь, — указала Катюшка на компьютер.

— Это мысль.

— А как ты с ней познакомился?

— Андрей познакомил... — Сергей не стал говорить сестре, что Таня даже не догадывается о его существовании.

— Андрей у тебя хороший друг, — с удовлетворением подтвердила Катька.

— Ну да, — согласился Сергей, со стыдом вспоминая, как Андрей пытался знакомить его с девушками. — Это ты поставила? — строго спросил он, увидев на своем столе маленькую елочку, сплетенную из тонкой медной проволоки с нанизанными на нее маленькими бисеринками зеленого и голубоватого цвета. Елочка стояла в маленьком пластмассовом стаканчике, наполненном застывшим воском.

— Я... Я нашла ее в чулане... Ты раньше ее так любил... — растерянно пробормотала Катька.

Сергей взял елочку и хотел выбросить в мусорное ведро, но вдруг вспомнил Таню и приостановился. Елочку эту сплела и подарила ему на Новый год Кристина, ещё до армии. Да, действительно, он любил держать эту елочку в своих руках, разглядывать, представляя, как тонкие пальцы Кристины нанизывают бисер на проволоку, как плетут веточки, скручивают ствол, закрепляют его в расплавленном воске. Эти видения вызывали томительную нежность в его душе, умиротворение. Он даже хотел взять елочку с собой в армию, но побоялся там ее смять, разрушить. Оставил дома дожидаться его. Елочка его дождалась, а Кристина — нет. Тогда он выбросил ни в чем не повинную елочку в чулан, а теперь хотел выкинуть в мусорное ведро. Но, вспомнив о Тане, так похожей на Кристину, передумал. Почудилось ему, что не Кристина сплела эту елочку, а Таня. Не Кристину теперь будет напоминать она, а Таню. Сергей поставил елочку на свой стол.

Вечером на тренировке в университетском спортзале Сергей был особенно гибок, быстр, легок. Шпага в его руке была неутомима и точна. Тренер обратил на это внимание, и когда Сергей в очередной раз сделал точный укол сопернику, крикнул на весь зал:

— Вот как надо работать!.. Леша, — позвал он самого лучшего фехтовальщика университета Алексея Чекмарева, — поработай с Сергеем. На полном серьезе! — предупредил он обоих студентов. — До пяти уколов. Я судить буду!

Все студенты прекратили тренировку и окружили дорожку, на которой напротив друг друга приготовились к схватке Сергей с Чекмаревым. Редко когда удавалось Сергею на равных сражаться с Алексеем, но сейчас он был уверен в своей победе. Ему казалось, что Таня наблюдает за ними, болеет за него, и он старался не подвести ее. Первый укол он нанес мгновенно, едва шпаги их коснулись друг друга. Алексей откинул шлем и усмехнулся.

— Держись! — сказал он.

Но и второй укол не заставил себя долго ждать. Зато когда сошлись в третий раз, Алексей сражался яростно, словно на кону стояла его честь, и все же он не смог коснуться первым гибкого и быстрого Сергея. Пропустил снова. Проиграл вчистую.

— Что-то ты тяжел сегодня, — недовольно глянул на Алексея тренер.

— Я не тяжел, это он... Что-то с ним сегодня... — огорченно кивнул Алексей в сторону Сергея.

— Работает парень, — ответил тренер и обратился Сергею. — Молодец, Серега! Будешь так стараться, на Универсиаду в Турцию поедешь ты, а не он.

Сергей правильно понял, что тренер говорит так, что поддеть Алексея, заставить его тренироваться активней.

Ночью Сергей не спал, вспоминал то бой с Алексеем, то Таню в автобусе, то день, когда он впервые увидел девушку.

В тот день друг его Андрей хотел познакомить Сергея с Наташей, студенткой из Шолоховского университета, которая составляла какой-то молодежный журнал. Андрею нравились стихи Сергея, и он уговорил его пойти вместе с ним к той студентке, показать стихи. Сергей не хотел идти, стеснялся, говорил Андрею, если уж тот хочет показывать его стихи, пускай сам передаст те, что ему нравятся. Но Андрей уперся: "Нет, отдашь сам, заодно познакомишься с Наташкой. Она очень энергичная, заводная девчонка".

Войдя вместе с Андреем в аудиторию университета, где собрались друзья Наташки, Сергей прошел вглубь помещения, стараясь держаться слева от студентов, сел за стол и стал прислушиваться к разговору. Студенты распределяли роли в журнале: кто на какую тему напишет статью в ближайший выпуск. Наташка оказалась маленькой щупленькой девчонкой, действительно шустрой, заводной. Говорила быстро, строго, и в то же время очень точно и четко. Таня Ковылёва сидела позади всех, на другом ряду, сидела молча, видимо, она уже получила задание. Сергей взглянул на нее сбоку, когда она поправила свои длинные прямые волосы, лежащие на плечах, и вздрогнул, похолодел, приняв ее за Кристину, у которой была точно такая густая челка, закрывающая лоб до самых бровей. И волосы у Кристины были приятного темно-каштанового цвета. Сергей стал искоса наблюдать за девушкой, так похожей на Кристину. Сердце у него тревожно ныло. “Хорошо, что сижу слева от девушки, — мелькнуло в голове. — Лицо у нее серьезное, умное. Наверно, отличница!” — Наташка в это мгновение вдруг обратилась к нему, спросила, как его зовут, с какого он курса, почему она его видит впервые и на какую тему он будет писать в журнал? Сергей смутился, замаялся, промямлил, что он из университета культуры, что принес стихи и впервые слышит, что нужно писать какие-то статьи.

— Оставишь мне стихи, посмотрю, — уверенно и властно сказала Наташка и повернулась к другому студенту.

Может быть, и не осталась бы в его памяти Таня Ковылёва, несмотря на то, что она была так похожа на его бывшую девушку, если бы не шутка одного из парней. Не помнится теперь, что это была за шутка, но все ребята засмеялись, и Сергей увидел, как оживилось, преобразилось лицо серьезной девушки с длинными волосами, как вспыхнули, блеснули ее глаза. “Нет, она совсем не похожа на Кристину!” — душу Сергея в этот миг вдруг охватил непонятный восторг, словно с ним случилось что-то необыкновенно хорошее. В тот день Сергей даже имени девушки не узнал. Закончили разговор студенты и разошлись. Стихи он оставил Наташке.

Вечером он лежал в постели, вспоминал энергичную Наташку, разговор в аудитории, а перед глазами всё стояло лицо девушки с челкой в тот миг, когда оно озарилось непонятным внутренним светом. “Нет, она совсем не похожа на Кристину! — повторял и повторял про себя Сергей. — Она очень серьезная! Она не могла бы, как Кристина, назвать его Жареным! Нет, не могла!”

И утром лицо ее не выходило у него из головы. Днем, в университете, он не слушал лекцию, по-прежнему видел перед собой девушку и разговаривал с ней. По дороге из университета домой Сергей, смущаясь, спросил у Андрея:

— Ты всех шолоховцев знаешь, с которыми встречались вчера? Как зовут девчонку... такую... с челкой и длинными волосами?

— Да, симпатичная девчонка, — ответил Андрей. — Но я таких не люблю, слишком серьезная. Мне пока нравятся легкомысленные. А ты бы мог найти с ней общий язык, — уверенно сказал Андрей. — Узнать, как ее зовут?

— Брось. Это я так... — пробормотал Сергей.

— Узнаю, узнаю.

В тот же вечер Андрей позвонил ему и сказал, что зовут ту девушку Таня Ковылёва, она студентка второго курса.

И снова Сергей весь вечер думал о Тане. Запершись в ванной комнате, с тоской разглядывал в зеркале свою уродливую правую половину лица: изрытую глубокими шрамами щеку, скошенный вниз уголок рта, красный, с опущенным вниз веком глаз. Когда он улыбался, зубы справа открывались полностью. Не улыбка, а неприятный оскал. Сергей, зная это, старался улыбаться сомкнутыми губами, никогда не хохотал от души. Поэтому все его считали сдержанным серьезным человеком. “Разве можно полюбить такого человека? — с отчаянием думал он. — Разве может Таня обратить на меня внимание? Не полюбит, нет. Просто пройтись за руку. О, какое это счастье — держать в своей руке руку девушки, чувствовать ее нежно-бархатистую кожу, беззащитные пальцы, ласкать, перебирать их тонко и бережно! И как недостижимо это счастье для него. Урод! Настоящий урод! Только

горба не хватает. Даже у Квазимодо, наверное, лицо было приятней... Жареный! Да-да, жареный, тысячу раз права Кристина, когда порвала с ним сразу после его возвращения из Чечни! Разве можно целовать эту уродливую щеку? Стошнит! Зачем его спасли? Лучше бы он остался дожариваться на броне, пока не сгорел бы совсем!”

Всплыло в памяти, как он, с тревогой вглядываясь в придорожные кусты, покачивался на броне катившего по горной дороге БТРа рядом с шестерыми солдатами из своего отделения, и как из этих кустов затрещали автоматные очереди. Четыре пули мигом прошли его насквозь, и он сразу потерял сознание, распластался на броне. Он не слышал выстрела гранатомета, не чувствовал, как подпрыгнул, взорвался под ним и вспыхнул бронетранспортер. Сергей лежал, прижимался щекой к броне, которую с каждой секундой накалял изнутри огонь. Когда после боя сняли его с брони, правая щека его сгорела до кости. Почти год пролежал он в больнице, несколько пластических операций пережил, но так и остался уродом.

Вспомнилось, как друг его Андрей хотел, чтобы и он, Сергей, наконец переспал с девчонкой. Привел двух легкомысленных доступных. Когда посидели, выпили, насмеялись над шутками говорливого Андрея, тот подхватил свою девчонку на руки и сказал, смеясь:

— Мы в спальню, а вы тут располагайтесь. Мы надолго.

Сергей, оставшись один на один с девчонкой, не знал, как подступиться к ней, что говорить, что делать. Когда он смущенно и ласково прикоснулся к ее руке, проговорив: “Какая у тебя нежная рука!”, девчонка резко отдернула руку, выскочила из-за стола и бросилась в спальню к подруге и Андрею. Сергей слышал, как она быстро и нервно прошептала им:

— Не могу я! Не могу я с этим уродом!

Сергей, услышав это, выбежал из квартиры.

Утром его долго утешал Андрей, говорил, что та девка полная дура, ни одной извилины, обижаться на такую — самому дураком быть.

— Давай проституток снимем? — предложил он.

— У тебя крыша поехала, да? — буркнул в ответ Сергей.

— Чо тут такого? Мы не один раз брали. Там есть такие симпатяшки. Плачу я. Позовем ко мне.

Андрей уговорил его, но вышло еще хуже, чем с теми девицами. В постели у него вдруг начали страшно трястись колени. Просто ходили ходуном. Озноб охватил всего. Девчонка смеялась, спрашивала: “В первый раз? Ничего, сейчас научим”. Но она только коснулась его, как он весь содрогнулся, и все кончилось. А после этого страшно затошнило, чуть не вырвало на постель. Он выбежал в туалет. Потом потихоньку оделся и выскользнул из квартиры, ощущая ужасный позор перед девицей. Теперь и она тоже считает его уродом.

“Урод! Жареный! Кристина права!” — с тоской думал Сергей, разглядывая себя в зеркало.

Ночью он впервые тихо заплакал от отчаяния. К утру смирился. Пусть так, пусть! Разве не счастье просто видеть Таню издалека?

Утром он поехал не в свой университет. Неожиданно спокойно прошел в здание с толпой студентов, спешащих на лекции, узнал, в какой аудитории второй курс, и стал ждать в коридоре у окна, когда будет перерыв, притворяясь, что читает книгу. Когда студенты хлынули в коридор, он, делая независимый и спокойный вид, пошел навстречу студентам, острым взглядом окидывая их исподтишка. И вдруг словно взрыв вспыхнул в его груди. Таня шла навстречу, повернув голову к подруге, которая что-то говорила ей. С трепещущим сердцем и ватными ногами прошел Сергей мимо, держась с левой стороны, чтобы она не увидела его уродливую сторону лица. Счастливым, слетел по лестнице вниз, к выходу из здания. Он видел ее! Она шла мимо, и он чуть не коснулся ее плеча! Сергей долго еще чувствовал легкое движение воздуха, которое шло от нее, когда она легко и быстро проплыла мимо.

Услышав совет сестренки написать Тане письмо в социальной сети, Сергей удивился, почему он не додумался до этого сам. Ведь туда можно

вообще не ставить свою фотографию или поставить какого-нибудь красавца. Нет, лучше ничего не ставить. И он зарегистрировался “В контакте”, но не сразу нашел Таню Ковылеву, она представлялась там, как Танька Ковылёва. Это домашнее — Танька тронуло его нежностью, почему-то появилась надежда, что они могут подружиться, просто подружиться. Он хотел посмотреть на ее фотографии. Но все данные ее были открыты только друзьям. И он предложил ей себя в друзья. Ответ от нее пришел быстро. Таня спрашивала:

— А мы знакомы?

Что ей ответить? Она-то с ним не знакома. Это он знаком с ней. Это его запах ее волос сводит с ума. Но она видела его тогда, у Наташки, когда он приносил стихи; слышала, как он называл свое имя, и Сергей ответил кратко:

— Да.

— Что-то я не припомню, сорри. Не напомните?

Он ответил. Она, конечно, не запомнила его. И они стали переписываться. Было это в последние дни летней сессии. А после экзаменов Таня написала ему, что уезжает в Латвию работать вожатой в лагере.

Как он мучился ночами, представляя, как обнимает ее сейчас на берегу моря под легкий шум набегающих на песок волн какой-нибудь ловелас-красавчик! “Пусть, пусть! — уговаривал он себя. — Ведь такое счастье не для меня. Мне бы хоть изредка видеть ее издали. И это невыразимое счастье! А она пусть будет счастлива так, как хочет, и с кем хочет!

В августе, когда Москва изнывала от жары и была вся окутана дымом лесных пожаров, Таня вернулась в Москву и сама написала ему. Между строк он читал, что она здорово провела время в Латвии, что радость распирает ее, и ей нужно с кем-то поделиться. И Сергей расхрабрился, написал ей: “Ты знаешь, а я на прошлой неделе стал победителем межвузовских соревнований! Я — фехтовальщик. Тренер говорит, что у меня реальный шанс попасть на Универсиаду! Давай встретимся, поедим мороженого в “Макдоналдсе”, и ты расскажешь мне, как тебе работалось в Латвии”.

Таня сразу согласилась встретиться у памятника Пушкину и посидеть в “Макдоналдсе”.

И вот он ждет ее, поглядывает на часы, на Пушкина, который стоит к нему спиной, смотрит на выход из подземного перехода, словно тоже ожидает, когда появится Таня. И появится ли вообще? Часы показали пять, время встречи. Сердце Сергея заколотилось сильнее. “Нет, — думал он. — В пять она не придет. Минут на двадцать опоздает”. И в то же мгновение он увидел Таню. Она легко, стремительно выскочила из перехода к памятнику, огляделась и остановилась спиной к нему, метрах в пяти от памятника. Он встал и быстро пошел к ней, чувствуя, как ноги его слабеют и начинают мелко дрожать.

Сергей подошел к ней сзади, закрыл свое лицо букетом роз и проговорил тихо, дрожащим голосом:

— Таня!

Она обернулась. Он видел сквозь цветы, как лицо ее радостно вспыхнуло, озарилось, точно так, как в аудитории, когда он впервые увидел ее. И точно такой восторг, как тогда, охватил его, он забыл, что улыбаться надо сомкнутыми губами, улыбнулся от души, протягивая ей цветы, и с ужасом увидел, как лицо Тани мгновенно изменилось, словно вместо цветов он протянул ей лягушку. Разочарование и отвращение на миг отразилось в ее глазах, но она быстро взяла себя в руки и улыбнулась уже дежурной улыбкой не ему, а цветам, говоря:

— Какие прекрасные розы!.. Ну что, пошли есть мороженое. — И пошла впереди его. Он шел следом, с тоской и нежностью разглядывал ее полукрытую спину, короткие шорты, стройные и загорелые до черноты ноги.

В “Макдоналдсе”, стоя в небольшой очереди (Таня ожидала его за столом), Сергей немного успокоился, принял как должное то впечатление, которое он произвел на Таню.

Подошел к столу с подносом, бодрым видом и с полуулыбкой.

— Ну что, рассказывай, как ты мучила детей в “Альбатросе”! (Так назывался лагерь, где работала Таня.)

— Ой, — наигранно бодро воскликнула Таня. — Три дня можно рассказывать. Столько событий, столько интересного!

Она стала рассказывать, как они с детьми бывали в Юрмале, в Риге, как ездили на экскурсию в Эстонию, в Таллин. Рассказывала Таня с восторгом, глаза ее снова загорелись, и она даже стала изредка отрывать взгляд от мороженого, на миг взглядывать на него. А Сергей любовался ею, стараясь скрыть тоску, охватившую его. Но чем больше Таня говорила, чем чаще взглядывала на него, тем глуше становилась тоска, затеплилась надежда, что пусть не любовь, пусть просто дружба возникнет между ними после этой встречи, и они изредка будут встречаться в кафе, чтобы просто поболтать, как вот сейчас.

И когда Таня стала рассказывать, как любили ее дети, он не удержался, восторженно воскликнул:

— Разве можно тебя не любить! — и невольно коснулся пальцами ее руки.

Таня вздрогнула и быстро отдернула руку, словно к ней поднесли раскаленный утюг, и умоляла на миг. Сергеем вдруг вспомнилась девица, которая так же, как Таня, отдернула руку, когда он прикоснулся к ней, и убежала в спальню к Андрею. Вспомнилось и почудилось, что Таня сейчас тоже назовет его уродом. Он мгновенно сжался, ожидая удара. Но Таня сказала другое, не менее страшное для него:

— Да, да, дети там были чудные! И вожатые... да, вожатые... в общем, я в основном пришла сказать... да, сказать... Я там встретила парня... Он тоже студент... студент из МГУ... Мы, наверно, с ним поженимся... Он ревнивый страшно. Всех друзей “В контакте” повычеркивал. Я и пришла сказать, — улыбнулась она уверенней, не глядя на него, — что больше мы переписываться не будем.

“Нет у нее парня... не было среди вожатых студента МГУ... обманывать еще не умеет...” — глядел на нее Сергей. Ему стало больно до тошноты.

— Я сейчас, — выдал он глухо и заторопился в сторону туалета, прошел мимо него и выскочил из здания.

По подземному переходу пересек Тверскую улицу и двинулся по Малой Дмитровке в сторону Садового кольца. Он не думал, куда и зачем идет, просто быстро шел, ощущая в ушах шум и непонятно чей истошный тонкий крик: А-а-а! А-а-а! И он тоже постанывал в такт крику: А-а-а!

Редкие прохожие в дымной Москве оглядывались на него с удивлением. Вдали, там, где кончалась улица, за Садовым кольцом сквозь плотный дым виднелась какая-то непонятная зловещая темная громадина. Она словно нависала над городом, словно какое-то мрачное инопланетное существо. Эта громадина манила его к себе, притягивала. И он шел, торопился к ней, убыстряя шаг. Почти бегом пробежал подземный переход под Садовым кольцом и выскочил по ступеням вверх на Долгоруковскую улицу. Эта зловещая громадина оказалась недостроенным домом. Окон в нем еще не было. Сергей зачем-то направился к нему через полукрытые ворота.

— Эй, ты куда? — крикнул ему сторож из вагончика. — А ну вернись!

Но Сергей не обратил внимания на его слова, влетел в дом и побежал по лестнице вверх, хрустя рассыпанным по бетону песком. Остановился, когда задохнулся от быстрого бега. Отдышавшись немного, вошел в одну из квартир, у которой были только бетонные стены. Вышел на балкон без перил и стал смотреть на проглядывающие сквозь дым крыши домов. Сердце у него разрывалось в груди от боли, тоска, страшная тоска давила душу. В голове шумело. Подгашивало. Дыма здесь, на высоте, было меньше, и было видно мутно-голубоватое небо. И по этому небу летала стая голубей, ослепительно белая на ярком солнце.

“Почему я не родился голубем? — мелькнуло в голове. — Летал бы я беззаботно над Таниной головой, любовался бы ее счастьем со студентом МГУ... когда тот у нее появится... Что меня держит, я и сейчас могу стать голубем, я и сейчас могу летать над ее головой”.

Сергей шагнул к краю балкона и услышал сзади торопливый скрип песка под ногами бегущего по ступеням человека, тяжелое дыхание. Невольно оглянувшись, увидел высокого худого парня в спецовке охранника.

Парень остановился на верхней ступени, провел ладонью по реденьким светлым усам и тяжело выдохнул:

— Фу-у!.. Ну... ты... и бегаешь... — произнес он, задыхаясь от бега, но как-то добродушно, словно близко знакомому приятелю, достал из нагрудного кармана спецовки пачку сигарет и спросил тем же тоном: — Огонек есть?

Сергей покачал головой, растерянно глядя на охранника, который спокойно направился к нему, неловко вытаскивая сигарету из пачки.

— Бери, — протянул парень сигарету Сергею, говоря: — Зажигалка у меня что-то барахлит.

— Я не курю, — хрипло сказал Сергей, но сигарету взял.

Парень достал зажигалку и чиркнул. Огонек появился сразу.

— Опа! — удивленно и радостно воскликнул парень. — Заработала! — И протянул огонек Сергею.

Тот послушно прикурил. Парень затаился сигаретой, шумно выдохнул дым и спросил:

— В Чечне был?

Сергей закашлялся от непривычного дыма и закивал головой.

— Я тоже... Зовут тебя как?

— Се... рега, — прокашлял Сергей.

— А меня Николай... У меня портвешок есть... Пошли, Серега, пойдим. — Парень, прихрамывая, уверенно направился к лестнице.

Сергей послушно двинулся следом, почему-то чувствуя в душе расположение и доверие к парню. Николай на лестнице стал хромать сильнее, видно, у него болела нога. “Он ведь догадался, что я хотел сделать!” — промелькнуло в голове Сергея. Ему стало нестерпимо стыдно перед парнем и горько за свое малодушие.

В вагончике Николая было чисто, уютно, открытое оконце наполовину завешено белой занавеской так, чтоб были видны ворота. За столом сидела худенькая девушка в джинсовых шортах и белой маечке. Конопатое узкое лицо ее было приветливо и миловидно. Короткие рыжеватые вьющиеся волосы чуть-чуть прикрывали щеки. На столе перед девушкой стояла открытая бутылка вина, на тарелке — куски хлеба, колбасы и сыра. Видимо, она хозяйничала в вагончике.

— Настя, — представил девушку Николай. — Друг мой детства... Садись к столу! — указал он Сергею на табуретку.

Сергей назвал себя девушке и смущенно улыбнулся сомкнутыми губами. А она по-мужски протянула ему руку для пожатия и широко улыбнулась, показывая ровные зубы, и легонько тряхнула волнистыми волосами. Рука у нее была горячая, хрупкая и необыкновенно нежная.

— Он тоже в Чечне был, — сказал Николай и стал разливать алое вино в стаканчики.

Вино, которое Сергей раньше пил редко и понемногу, подействовало на него сразу. На душе потеплело. Тяжесть и тоска быстро рассасывались. После второго стаканчика ему стало казаться, что с Николаем и Настей он знаком всю жизнь. Да и они вели себя с ним так, словно он был их давним приятелем. Настя смотрела на него с улыбкой, словно не замечала его изуродованного лица. Это Сергей отметил сразу. А после третьего стаканчика он совсем забыл о своем уродстве, стал шутить, смеяться, с нежностью поглядывать на Настю. Николай обратил на это внимание и спросил со смешком, поглаживая худыми пальцами свои редкие усы:

— Нравится Настя?

Сергей смущенно улыбнулся. Неожиданно прямой вопрос Николая напомнил о сожженной щеке.

— Мне тоже нравится, — продолжил шутливо Николай. — Жениться хочу на ней... Не идет...

— Женилку надо было в Чечне беречь, — со смешком подхватила его тон Настя, снова мило встряхивая волосами. — Ему проще, — кивнула она

в сторону Сергея. — Подправят лицо, сейчас это не проблема, и жених готов. А с тобой что делать?

Сергея поразили слова девушки о Николае. Он с тяжким холодком в душе понял, что произошло с парнем в Чечне, и подумал, что слова девушки обидят того. Но парень ничуть не смутился, не сменил шутливый тон. Видимо, они часто иронизировали над его бедой.

— Как что делать? — сказал Николай. — Немцы, я слышал, научились мартышкины пересаживать. Деньги подкоплю, съезжу, таким орлом вернусь. Пойдешь тогда?

— Ну да, — залилась смехом Настя. — Обезьяном ты вернешься, а не орлом. Хочешь, чтоб я тебе мартышат наражала.

Когда девушка смеялась, Сергею казалось лицо ее необыкновенно притягательным и родным.

— А чем плохо? — продолжал шутить Николай. — Новую породу людей выведем... — Он поднял пустую бутылку над столом. — Э-эх, закончилось...

— Я сбегаяю, — с готовностью вскочил Сергей. Ему страстно хотелось сделать что-нибудь хорошее для новых друзей. — Тут магазин через дорогу...

— Деньги есть?

— Есть, есть...

— А то я, ты слышал... на Германию коплю, — снова пошутил Николай.

— Снайпер? — приостановился в двери вагончика, оглянулся Сергей. — Белые колготки?

— Вот чего я не успел разглядеть, так это колготки. Может, синие? Как теперь узнаешь...

Сергей засмеялся и с легким сердцем выскочил из вагончика. Он давно не чувствовал себя так легко и свободно.